

© И.Н. ПУПЫШЕВА

kphil@utmn.ru

УДК 7.011

**ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ:
РАСШИРЕНИЕ СЕТЕВЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ ГОРИЗОНТОВ**

АННОТАЦИЯ. В статье речь идет о функционально-структурных изменениях языковой личности, связанных с обновлением «речевых» возможностей человека. Возможность жить «он-лайн» формирует особое отношение к языковым структурам и ставит каждого пишущего в позицию «писателя», что приводит к становлению новых антропологических «расширений» человека.

SUMMARY. The article focuses on the functional and structural changes in the language of personality associated with the updating of “verbal” human capabilities. To live “online” form a special relationship to language structures and put in the position of each writer, “writer”, which leads to the formation of new anthropological “extensions” of man.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Языковая личность, виртуальная личность, фигура, персона, персонаж, текст, сообщение.

KEY WORDS. Verbal personality, virtual personality, figure, person, character, text, message.

Гуманитарная наука открыла в измерении человека немало «языковых» проявлений, среди которых хотелось бы пересмотреть с учетом новых реалий языковую личность. Изучением языковой личности традиционно занимались лингвисты. И большинство определений языковой личности сводятся к установлению совокупности тех характеристик человека, которые обуславливают создание и восприятие им речевых произведений (текстов). Проведено немало исследований, посвященных анализу языковой личности писателей — на основе литературных произведений; журналистов — на основе публикаций и выступлений в СМИ. Подобные работы позволяют судить об особенных личностных характеристиках, и, таким образом, можно говорить о переходе исследований из лингвистической плоскости в антропологическую. И здесь текст рассматривается как проявление (презентация, демонстрация) социальных и индивидуальных характеристик, а если использовать литературоведческие и культурологические категории — текст предстает как олицетворение и «персонификация», как явление самости, и даже — с обращением к инструментарию концептуализма — текст как «жест»...

Такой подход вполне оправдывает себя, если он обращен в «социальные сети», где современный человек проводит изрядное количество времени, и где он выражает свои мысли и желания, совершает поступки, наполняет жизнь событиями как раз с помощью текста. Исследователи (культурологи, психологи) предлагают категорию «виртуальная личность» (Е. Горный) для оценки роли «виртуальных языковых проявлений» в жизни человека. В основе виртуальной

личности уже известная языковая, — о ней судят по речевой деятельности, в центре внимания те же грани человеческой психики, какие определяют характер речевых произведений — *сообщений*. Иными словами, задействованы те же механизмы, но есть и своя специфика.

Если языковая личность выделяется исследователями — на основе исследователем же определенной совокупности текстов и высказываний, то, получается, что она — процесс и «продукт» спонтанный. Перед писателем или журналистом создание собственной языковой личности не стоит как первостепенная (а, как правило, и даже как второстепенная) творческая задача. Что же касается виртуальной личности, то она создается в качестве «Alter ego», карнавальной маски, какую *намеревается* играть и даже проживать пишущий. «Сетевое общение» — это повод и способ показать себя в первую очередь, причем с заведомо кажущейся выгодной стороны. Обращение к категории «общение» здесь очень закономерно — именно оно лежит в основе «виртуализации» личности — и как цель, и как повод, а в последнее время осваивается и как творческий жанр. И замена категорий «текст», «высказывание» на «сообщение» (*со-общение*) тоже симптоматично: сообщение направлено на собеседника, призывает к общению, созданию диалоговой ситуации. Сообщение, оставленное без ответа, не является самодостаточным. Получается, что виртуальная личность больше, чем другие творческие жанры, нацелена на создание общности (на основе самой себя как общего интереса).

Виртуальная личность, с учетом творческого потенциала, может быть рассмотрена и с лингвистической и с художественной точек зрения. А если оставаться при этом на антропологических позициях, то интерес представляет не художественная ценность, и не оценка лингвистической правильности/неправильности, и даже не «идиолектные» особенности, а тот «вербально-художественный» инструментарий, с помощью которого человек олицетворяет, персонифицирует, презентует, а порой и неожиданно обнаруживает себя. «Виртуальная» среда — как раз то пространство, где человек свою значимость определяет через «знак», где событийность сводится к общению. И последнее уже предстает не самоцелью, а способом бытия. Вот почему таким важным кажется наличие (да и количество) «лайков» и комментариев. Они становятся «статусным» показателем личностной значимости. Причем именно личности — здесь представлены социальные характеристики — круг общения, структурированный по степени значения и участия, по сфере знакомства и деятельности, по интересам и т.п.

Виртуальная личность создается всегда как публичная. Она демонстративна, часто агрессивна, активна, напориста, готова к ответу как к защите. Ее презентация проходит в условиях сетевой публикации, а последняя максимально открыта для отклика, комментария и критики. Собственно, обратная связь и является целью сообщения. И каждый текст, в результате, обрывает «нарочитостью» и пафосом, под влиянием чего любой сетевой диалог, даже между людьми близкими духом, влечет за собой «игровую» трансформацию открытости, откровенности и искренности. Да, исповедь, но «с оглядкой» на окружающих, с утратой интимности; «самообнажение», но тех своих черт, какие могут быть потенциально интересны, какие вызовут отклик. Исповедь, имеющая своей целью не искренность, а популярность — вполне в духе постмодернистских симуляций.

И в этом контексте текстовое сообщение только раскрывает, но сокрывает «Я» реальное. Социальная сеть открывает возможность маскарада, где можно совершить действие (пусть в рамках семиотической манифестации), где можно высказаться, и остаться неузнанным; где можно при помощи таких анонимных высказываний выстроить и «прожить» другую жизнь. Но не стоит забывать, что при всей мистификации, виртуальная личность — всего лишь инструмент, способ, стилизация, а в некотором смысле и форма, содержанием которой все равно остается реальная личность с реальными планами, мыслями, амбициями и мечтами (точно также Л. Толстой видел в Наташе Ростовской, а Флобер — в Эмме Бовари только себя, только свой внутренний мир). По этому поводу хотелось бы привести высказывание блоггера-писателя, публикующего свои комментарии под ником Маша Звездецкая *«Это старинная игра в слова: лик-лицо-личина. Лик — это высшее в человеке, надчеловеческое бытие, святость, стремление к высшим сущностям. Лицо — это человек как он есть, обыденная жизнь. Личины на Руси в прежние поры надевали обыкновенно скomorохи и игрецы; еще в них рядились бесы — внечеловеческий пласт бытия, стремление к низшему. Но все вместе — и лик, и лицо, и личина — составляли нечто целое: ЛИЧНОСТЬ. Лица есть у всех. А личность — это лицо, которое состоялось — не-святость, но и не-бесовщина, а просто состоявшийся человек. Это то, что останется, когда физически, телесно лица уже не будет. В книгах. В картинах. В музыке. В общем ментальном пространстве. И в сети тоже..»* [1]. Так, оказавшись в «водвороте» неограниченной свободы слова, пользователи социальной сети увлекаются демонстрацией личины, совершенно забывая о том, что состояться необходимо как личность, и показывать стоит лицо, человека, но никак не «зверя» и не беса.

Таково место «личного» в социальных сетях, и его можно противопоставить «персональному (как содержание форме). Кто-то просто общается, а кто выстраивает с помощью общения «вымышленный» персонаж, наполняя его вымышленную жизнь событиями (через сообщения о них), переживаниями и идеями. Персональное — это прежде всего персонаж, в которого играют. Станет ли персонаж персоной (важной и значительной, определяющей направление общественной мысли), перерастет ли «роль» из игровой в общественно-значимую, — это результат испытания общения временем. Такой состоявшейся персоной можно считать кино-критика «Гоблина», «кота» Плинтуса, «блоггершу» Кэт (в чьем авторстве «подозревают» Артемия Лебедева), Машу Звездецкую и т.п. Персонажами изобилуют сайты знакомств, где ловелас может оказаться харизматичной пенсионеркой, а юная девушка — уставшим многодетным отцом. Игровой элемент социального общения сам по себе захватывает, и нередко ситуации круглосуточного «сидения» в интернете. Персонаж представляется улучшенной или неожиданной, наиболее выразительной версией себя. Это игра, границы, правила и сцена которой устанавливаются в соответствии с желанием и собственной фантазией.

«Личность» и «персона», а наряду с ними и «фигура», представляются М.Н. Щербининым в работе «Фигуративность социальности: эстетико-антропологический поиск» [2] как различные грани социального проявления.

Может ли эта разница обнаружить себя и в речевой деятельности индивида? А если точнее, можно ли говорить о речевой фигуре и речевой личности как о различных антропологических акцентах?

Фигура речи — устоявшийся термин, означающий «языковые средства, ведущие к усилению выразительности текста». Но «хитрость» языковых проявлений индивидуального и личного в том, что они не очевидны (очевидны). Соответственно, определяя языковую «фигуративность» человека, мы не можем говорить о параметрах, объемах, занимаемом пространстве в прямом смысле. Фигура здесь оказывается способом (структурой) не просто доведения сообщения до адресата, но и *внушения* переживаний и идей. Фигура речи «требует» формирования к сообщаемому отношения, сопричастности и сопереживания. Закономерно в этом смысле выделение фигур речи прежде всего в поэзии, поскольку именно здесь литература и нацелена на собственно прокладывание «мостика» от переживаний автора к читателю. Безусловно, в прозе речевые фигуры не редки, важно в ней и донесение эмоционального состояния, но поэтическое произведение — сосредоточие этой тенденции. Таким образом, можно определить фигуративность речи как ее образную *выразительность*. Это совокупность впечатлений, настроений, отношений, чувств, скрывающаяся за сообщением, и посредством последнего воздействующая на эмоционально-психическое состояние читателя.

Итак, фигуры речи создают настроение, и в этом отмечается некая определенность соответствий, в достаточной степени известная. В результате, «фигуративность» часто подменяется «марионеточностью». Если «фигура» искренне чувствует, то «марионетка» имитирует чувство. Если соответствия между выражающим и выражаемым известны, то имитация («симуляция») возможна. «Симулякры» и «симуляции» Ж. Бодрийара здесь (в Сети) как нельзя кстати, поскольку выражение имеет место без выражаемого, стиль и манера изложения, не подкрепленные чувством. «Фигурой» в литературе (да и в искусстве в целом) называют *деятеля* значимого, меняющего тенденции и задающего новые направления развитию художественного слова. Это человек, формирующий актуальный облик литературы.

Если обратиться к лингвистическим исследованиям языковых личностей, то среди них нередки обращения к известным журналистам и политикам — но если учесть тот факт, что подобные исследования ведутся на основе текстов публичных выступлений или напечатанных в СМИ, — то есть, прошедших редакционную правку, выверенных на соответствие общей целевой направленности, политической позиции издания, передачи и т.п. — то искренность выражаемого ставится под сомнение. Получают сегодня широкую политическую и общественную известность блоггеры, разделяющие и выражающие определенные взгляды, тем самым формирующие и демонстрирующие «общественное» мнение. «Легкость», с которой они обретают известность, формирует иллюзию соответствия личностной значимости освоенному «речевому» (текстовому) пространству. И порой само стремление к такой значимости порождает множественные подражания — стилевые, жанровые, касающиеся формата публикации, общественных и политических взглядов. Обратная реакция (комментарии, «лайки», просмотры) — какой бы она ни была — формирует сообщество читателей, и их количество, а не «качество», создают «репутацию» и придают «весомость»

пишущему. И если определенная социальная значимость обретается без соответствующих эмоций и настроений, без искренне пережитых убеждений, можно ли назвать такого деятеля общественной фигурой с учетом художественного смысла этого слова, и могут ли подобные «выражения» общественного мнения сформировать новую тенденцию пока остается не понятным и представляется сомнительным.

«Лицо» в языковой личности тоже может быть представлено как способ антропологического измерения. «Олицетворение» — прием, широко применяемый в литературе, и, как следствие, инструмент литературоведов. По сути, это и есть «обретение лица», будь то персонификация природных явлений, или конкретизация в образе человеческих качеств. Речевое высказывание достраивает образ, формируемый действием. Так скупец может копить, экономить, а может при этом и «на словах» быть скупым и экономным (а может быть скупым и «на слова»). Более того, есть действия, речевые в своей основе — лесть, ложь, похвала... И «олицетворять» ложь или лесть (лживость и льстивость) без речи не возможно. Сюда же можно отнести циничность, ироничность, искрометность, юмористичность, глубина мысли или, напротив, ее поверхностность, пафос или же простота и ясность, церемонность или же бесцеремонность и т.д.

Олицетворение в сетевой литературе, блогах и персональных страничках — своего рода игра, та самая мистификация (если это происходит намеренно). Становление такого речевого действия как «троллинг» (провокации, нарушения сетевой этики и т.д.), у критически настроенного пользователя интернета всегда есть опасность стать его олицетворением (троллем). Попытки вывести чиновников в интернет также зачастую приводят к механическому «олицетворению» должности. Можно, таким образом, говорить о становлении новых шаблонов письменной речи, что, кстати, может показать границы новой «зашоренности» общественной мысли.

Такой перевод на новую «плоскость» привычных эстетико-художественных категорий привел к тому, что виртуальная личность оказалась довольно востребованным и «перспективным» литературным жанром. Молодое поколение, обвиняемое в тотальном «не-чтении», на самом деле читает — но не книги, а блоги и персональные страницы друг друга. Подлинный интерес начинает представлять жизнь, выстроенная по «художественным» законам, а не «художественный мир», совершенствующий законы жизни. У такого «чтива» почти не бывает логического завершения, но к нему, как к сериалу, можно обращаться каждый день, и даже сделать его частью жизни собственной. Персонаж — виртуальная личность — доступна для ответа, для вмешательства, для знакомства. Она интереснее тем, что доступнее, но это не делает ее возвышеннее, не приближает к идеалу. Хотя регулярное «приобщение» к чужой жизни разнообразит и собственную.

Если подвести небольшой итог рассуждению, то «виртуализация» личности — это не просто процесс «семиотизации», это еще и мистификация, и самосознание, и самообнаружение, и самотворение, а местами и саморазрушение. В ней присутствует и триада «лик-лицо-личина», и личность, и персонаж, и персона, и фигура. Это процесс, ставящий каждого «пользователя» социальной сети в позицию писателя или кукловода. Таким образом, виртуальная личность оказывается особым взглядом на мир, творческой позицией и открытием воз-

возможности «переиграть» жизнь заново — что каждый делает в силу своих способностей. Если такой возможности сопутствует талант, то ему открывается дорога в «большую Литературу» (как это произошло с В. Глуховским, Н. Абгарян, М. Малявиным, М. Кетро и т.д.). Если же «сокровенное вещество литературы» отсутствует, и писателем оказывается «самопровозглашенный», то он лишь множит ряды критично настроенных «графоманов». Но, несмотря на то, что интернет буквально переполнен виртуальными «оперсонаженными» личностями, за которыми почти не видно «человека», он все-таки может послужить платформой для раскрытия и развития творческого потенциала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Let's have chat», или что такое сетевое общение // Клуб харизматичных писателей // URL: <http://harizma.pvost.org/pages/misc/masha11.htm>
2. Щербинин М.Н. Фигуративность социальности: эстетико-антропологический поиск // Вестник ТюмГУ. 2011. № 10. Сер. «Философия». С. 6-15.